

Елизавета
Дворецкая

УТРЕННИЙ ВСАДНИК

Янтарные глаза леса

Книга первая

T8 RUGRAM
Москва
2020

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос-Рус)6
Д24

Дворецкая, Е.

Д24 Утренний Всадник. Янтарные глаза леса. Книга первая /
Е. Дворецкая. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM,
2020. — 254 с. — (Миры Елизаветы Дворецкой).

ISBN 978-5-517-01162-6

Сын славенского князя Велемога, Светловой, был красив, добр, чистосердечен и приветлив, так что даже сама Леля, богиня-весна, полюбила его. Но богиня не может любить, как смертная: весна — всегда девица, стать женой было бы противно самой её природе, она — только как цветок, который никогда не превращается в ягоду. С первым летним днём Леля покидает своего земного возлюбленного, и до новой весны ему предстоит ждать встречи с нею.

Мечтая о своей небесной невесте, Светловой встречает другую девушку, Смеяну, и в ней вызывает ту же любовь к прекрасному и недоступному, которую сам питает к богине Леле. Вместе они отправляются на поиски священной Чаши Судеб, чтобы понять свои пути.

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-517-01162-6

© Елизавета Дворецкая, текст, 2020
© Софья Потоцкая, обложка, 2020
© Т8 RUGRAM, 2020
© Т8 Издательские технологии, 2020

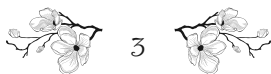

Пролог

новолуние месяца листопада Светловую исполнилось семь лет и жизнь его резко изменилась. Он был единственным ребенком речевинского князя Велемога. Надеясь на появление в будущем других детей, Велемог рассчитывал пока на одного Светловую и на нем одном сосредоточил все свои надежды. Сын радовал сердца родителей: это был высокий для своих лет, крепкий и сообразительный мальчик, живой и веселый, привязчивый и добрый. Лицом он походил на мать, голубоглазую княгиню Жизнеславу, и любил ее больше всех на свете. Но после новолуния, с которого ему пошел восьмой год, Светловую пришлось покинуть свою уютную горенку возле материнской спальни. Теперь у него была другая горница, и вместо няньки с ним делил ее дядька-воспитатель, Кремень, бывший сотский Велемоговой дружины.

Свободного времени у мальчика теперь оставалось мало. Кремень учил его понимать и чертить на восковой дощечке резы, игра с деревянным мечом сменялась настоящим обучением оружному бою.

Все дальше уходило теплое лето, а вместе с ним и память о приволье детства. Семилетний мальчик не мог полностью осознать важности и необратимости перемены, но наступающие холода стали для него стеной, отделившей беззаботное прошлое от настоящего, полного нелегких забот.

— Ничего не поделаешь, соколенок мой! — ласково утешала его княгиня Жизнеслава. — Ты князем родился, а князю не до забав, не до беготни пустой. Он всю землю свою на плечах держит, обо всех думает, от всех с богами речи ведет. На отца посмотри — он все дни в делах.

Светловой очень хотел быть похожим на отца и крепился, сдерживал тоскливое «Не хочу-у-у!», когда кормилец приходил за ним и уводил от матери к луку и стрелам или бронзовому писалу и восковой дощечке. Шагая вслед за Кременем по гульбищу, Светловой отчаянно хмурился, стараясь сдерживать слезы. Он уже не маленький, чтобы плакать! Тоска по матери была, пожалуй, самым трудным в его новой, полувзрослой жизни.

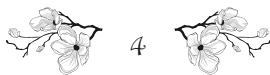
— Привыкай, родной мой! — говорила ему княгиня Жизнеслава. — Вот исполнится тебе двенадцать — отец и в походы станет тебя брать, а в походах он по полугоду бывает, и больше. Придется тебе без меня обходиться.

Княгиня старалась говорить бодро, но Светловой угадывал грусть в ее глазах и в голосе. И сознание того, что мать тоже тоскует в разлуке, еще сильнее давило на сердце.

Каждое утро Светловой старался проснуться раньше Кременя, то-ропливо одевался — сам, как положено взрослому, — и тихонько пробирался к матери, чтобы первым разбудить ее и немного побыть с ней, рассказать, что видел во сне. Часто княгиня и Светловой вдвоем выходили на заре на забороло детинца, куда вел переход прямо с гульбища княжеских горниц, и с высоты смотрели, как Денница-Заря отпирает небосвод золотыми ключами, открывает дорогу солнцу. Но в земной мир шла осень, утреннее небо все чаще бывало затянуто серыми тучами, и свет дня едва-едва пробивался сквозь равномерно-унылую пелену. И рассвет толком не успевал наступить, а уже скрипели плахи заборолы под тяжестью шагов: Кремень шел за княжичем.

На забороле Светловой встретил первый снег. В пронзительно-холодном утреннем воздухе летели белые крупинки, мелкие, легкие, еще чужие в желто-буром мире осени. На подставленной ладони они были почти не ощутимы, но лицо покалывали невидимые холодные иголочки.

— Ой, мама, что это? — в недоумении спросил Светловой, то глядя на свою ладонь, где мгновенно таяли белые крупинки, то поднимая

глаза и вглядываясь в серый небосклон. — Неужели уже снег? Неужели зима? Почему так рано?

Ему казалось, что зиме быть еще не скоро — ведь только что отшумели веселые жатвенные торги. Он еще не знал, что во взрослой жизни время идет быстрее и незаметнее.

— Уже зима, светик мой! — Княгиня Жизнеслава ласково положила руку на его голову, погладила мягкие золотистые кудряшки. — А ты без шапки выскочил. Застудишься, пойдем-ка в палаты.

— Нет, нет, не пойдем! — Светловый вцепился в руку матери. Для него возвращение в терем связывалось с Кременем и мудреными науками. — Мне не холодно вовсе. Мама, ну зачем только зима бывает! Вовсе бы ее не было!

— Как же — не было бы! — Княгиня качнула головой. — Ты каждый день как набегаешься, так тебе спать хочется. Вот и земле-матушке, и Живе, и Перуну, и Дажьбогу отдохнуть нужно. Для того и зима — сон земли и богов небесных.

— А откуда она берется?

— Посмотри туда, — княгиня положила руку на плечо мальчику и показала на полуночь. — Оттуда Зимерзла едет. Приглядишься получше, и увидишь ее. Сани ее везут белые волки, в глазах у них льдинки сверкают, а из-под лап снег сыплется. Где они по небу пройдут, там по земле на санях ехать можно. Вот погоди — скоро кататься будем.

— А она какая, Зимерзла? — спросил Светловый, вглядываясь в серую пелену, затянувшую небо.

Белые крупинки снега садились ему на ресницы, лезли в глаза, мешали смотреть, и приходилось заслонять лицо ладонью. Голова и руки у Светловых стали мерзнуть, но он не хотел в этом сознаваться. Невидимая Зимерзла была уже где-то поблизости, ее холодные цепкие пальцы проникали под кожу, щекотали, обрызгивая все тело зябкой дрожью, пощипывали нос и уши. А что еще будет в студеной просинец, когда на помощь Зимерзле придут ее сыновья Снеговолок и Костяник, свирепые зимние духи, способные застудить все живое насмерть!

— Она сама вся седая, в волосах ее метель прячется, в рукавах шубы снег родится, — рассказывала княгиня, прижав голову сына к своему боку и рукавами шубы укрывая его от падающих снежинок. — Сама она горбатая, злая, жадная. Ей бы весь белый свет снегом засыпать,

все реки навек сковать, всех людей-зверей заморозить! Она самой Морене родная сестра. От них, да еще от Мары и Морока, вся тьма на земле, весь холод, болезни и смерть сама.

— А кабы не они — не было бы зимы? — приглушенно из-под материнского рукава спросил Светловой. Теперь ему почти ничего не было видно, только кусочек серого неба, но он не спешил высвобождаться: так ему было хорошо и уютно под руками матери. — И смерти не было бы? Люди бы не умирали? Никогда-никогда?

— Видно, так, — с незаметным вздохом согласилась княгиня. — Да только Зимерзла и Морена сильны. Никому еще их одолеть не удавалось.

— А я одолею! — воскликнул Светловой и даже высунулся из-под теплого собольего рукава, чтобы посмотреть в лицо матери. Щеки его разрумянились от холода, на кончике розового носа повисла прозрачная капля, а голубые ясные глаза полны были отчаянной решимости. — Я одолею! Убью Зимерзлу, чтобы всегда лето было!

Княгиня Жизнеслава ласково усмехнулась и снова прижала голову сына к себе. Обхватив ее обеими руками, Светловой уже представил себе вечное лето, нескончаемое тепло, зелень лугов и лесов, теплый душистый ветер, радостную улыбку на лице у матери. Как это было бы хорошо!

— Вот вырасту, так и сделаю! — убежденно шептал мальчик в мягкий шелк материнской пшубы. — Пусть и боги слышат — сделаю!

И в мыслях он уже видел отважного могучего витязя, победителя самой Зимерзлы, и бесконечное лето — чтобы всегда играть, бегать на приволье и не знать забот. И этот витязь был он, Светловой сын Велемога, и весь белый свет кланялся ему за то, что он прогнал из мира зиму и саму смерть.

— Вырастешь, да... — шептала княгиня, задумчиво лаская мягкие волосы сына. — Только в Сварожьих Садах вечное лето стоит. Там духи дедов наших никакой беды не знают и о старости забыли — каждый там молод и весел. А земной удел человеческий иной. И никому от него не уйти.

— А я все равно сделаю! — упрямо воскликнул Светловой, выскользнул из-под рук матери и вскинул голову, разыскивая в небе фигуру седой старухи с метелистыми космами и злыми льдистыми глазами, словно хотел вызвать ее на бой прямо сейчас. — Вот стану я князем — прогоню Зимерзлу и Морену, чтоб близко они к нам

подступиться не могли! Пусть боги слышат, а князь от своего слова не отступит!

— Ах, идем-ка домой! — обеспокоенно воскликнула княгиня и взяла сына за руку. — Застудишься ты здесь!

Княгиня поспешно повела Светловя по забору к веже, где был переход на гульбище княжеских теремов. А снег все сыпал и сыпал с серого неба, мостил дорогу Зимерзле. Божество зимы вышло в путь к земному миру и готовилось утвердиться в своих правах, чтобы властвовать семь долгих темных месяцев.

Глава 1

ремя приближалось к полудню, и Светловой уже не раз вытер взмокший лоб рукавом. Месяц травень выдался таким ясным и жарким, как бывает не всякий червень. Наконец-то и в землю речевинов, самого северного из говорлинских племен, пришла весна во всей своей красе и силе. Светловой расстегнул серебряную застежку на плече и стянул со спины плащ, положил его перед седлом и заботливо закрепил булавку в кольце застежки, чтобы не потерять материнский подарок. Он ехал по высокому берегу Истира, позади него растянулись по берегу три десятка отроков его ближней дружины. Свежий ветерок овеивал лица, нес от близкого леса свежие запахи зелени, мокрой земли, напоминавшие, что еще не лето. И именно это напоминание о весне веселило сердце Светловой. Он любил весну, когда так легко дышится после зимней скуки, любил ожидание, когда все еще впереди: и долгие световые дни, и тепло, и цветы, и ягоды, и веселые праздники Ярилы, Купалы, Рожаниц. Зелень листвы, блеск воды Истира под солнцем, легкий шум ветра в листве оплетали Светловую ласковыми объятиями; запах тонкой, душистой свежести, свойственной только весне, с каждым вздохом в грудь вливалась бодрящая радость. Стоило поднять голову и окинуть взглядом светлый простор лесов и луговин, далеко видный с высокого берега, как где-то вдали мерещилась легкая девичья

фигура, сотканная из радужных лучей – сама Леля, богиня-Весна. И где пройдет она, там цветы цветут, куда взглянет, там птицы поют...

– Ох и хорошо! – глубоко дыша, приговаривал Скоромет – один из самых старших Светловых отроков.

Княжич с улыбкой покосился на товарища: прелесть весны пропала даже спокойного и деловитого десятского. Но тут же сам Скоромет все испортил.

– Вот ведь красота – жить бы да радоваться! – продолжал он, взмахнув сложенной плетью над ушами коня. – Да ведь нет – лезут, волчья стая, чтоб их громом разбило!

– А может, и не лезут вовсе! – крикнул сзади Взорец. Молодому и веселому парню особенно не хотелось покидать стольный город Славен перед самым началом весенних хороводов и ехать в даль и глушь, где от одного огнища до другого целый день пути. – Болтовня одна!

– А тебе коли лень, так сиди дома! – отрезал Преждан, хмурия густые черные брови. – Князю лучше знать.

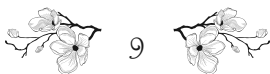
Преждан был сыном воеводы Кременя; когда шесть лет назад двенадцатилетнего Светловя опоясали мечом, Преждан первым поклялся ему в верной службе. Сын, внук и правнук воинов, Преждан унаследовал неукротимый дух многих поколений и нередко жалел, что ему достался такой миролюбивый князь, как Велемог. Относительно спокойные походы за данью, редкие стычки с личивинами и дрёмичами на рубежах едва ли можно было назвать военными походами, и Преждан с нетерпением ждал случая показать себя.

– Да, уж от дрёмичей нам ждать добра не приходится! – подтвердил Скоромет. – Да и от дебричей тоже.

– Ну, до них далеко! – Взорец махнул рукой.

– От дали не легче! – отозвался Скоромет. – Бешеной собаке и то не крюк! У дебричей уж второй год князем оборотень сидит. Не слыхал разве? А он свою дружину может в волков превратить, и за полдня они в какую хочешь даль добегут. Нам теперь не до веселья будет, так и запомни!

Взорец вздохнул с шутливой тоской: в его сердце звучали Ярилины песни, а разговоры о ратных делах шли мимо ушей. Светловый обернулся, поймал его взгляд и ободряюще улыбнулся. Ни в какие беды не верилось весной, под яркими лучами солнца, когда все вокруг цветет.

Но князь Велемог не любил весны: как раз в месяц травень, когда дороги просохли от грязи, а на лугах выросло достаточно травы на корм коням, следовало ждать набегов. Племена речвинов не повезло с соседями: и дрёмичи, и заморянцы не упускали случая поживиться чужим добром. Особенно много забот доставляли дрёмичи, жившие за Истиром, и каждый год князь Велемог посылал дружины в дозор вдоль реки. В последние шесть лет Светловой часто сопровождал в походах отца или воеводу Кременя, но этой весной он впервые возглавлял дружину. Однако, блеск и свежесть весеннего дня то и дело вытесняли из его мыслей воинские заботы.

Словно продолжая спор с Прежданом, Взорец принялся петь, повторяя песню, услышанную ниже по Истиру.

*Ржица-матушка колосилася,
Во ржи свинушка поросилася.
Семьдесят поросят, да все свиночки,
Все свиночки, да все пестренькие,
Хвостики у них востренькие, –*

– соловьем заливался отрок, и Светловой улыбался, покачиваясь в седле. В эти дни, когда набираются сил ростки озимой ржи, по всему Истиру толпы нарядных мужчин и женщин, детей и девушек выходят в поля, несут жертвы Яриле и Ладе, волхвы заклинают урожай. Песни и угощения провожали дружину Светловоя по всему Истиру от самого Славена, и поход казался непрерывным праздником.

Словно подхватив песню Взорца, из-за перелеска впереди сквозь мягкий шум листвы слышалось звонкое пение девичьих голосов.

*Мы ранешенько вставали,
Белы лица умывали,
Вокруг поля ходили,
Березки ставили,
Ярилу окликали!*

Впереди за перелеском открылось широкое, неровное по очертаниям поле, покрытое невысокими, но отраднo густыми ростками ржи. На меже Светловой увидел пеструю стайку из полутора десятка

